

Цѣна съ перее.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 30
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Наше зеркало.—Внемли себѣ (Втор. 15, 9). (Къ 6 Мая).—
Радость Воскресенія Хридова. Ник. Сльдникова.—Сила Божія и немощь чело-
вѣческая. Изъ записокъ игумена Θεодосія о самомъ себѣ. Сергѣя Ни-
луса.—Не восхищай недарованнаго. (Изъ быта глаголемыхъ старообряд-
цевъ). Ник. Сльдникова.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

НАШЕ ЗЕРЦАЛО.

Какъ можетъ человѣкъ сердце свое исправить? вопрошаешь.—Отвѣтъ: Когда хотимъ лице наше исправить, и исправно ли оно есть, посматриваемъ въ зеркало; и отгуду усмотрѣвъ пороки на лицѣ, отираемъ или омываемъ; тако, когда хотимъ сердце наше исправить, чтобы правое было, и правая замышляло, то должно намъ въ чистое житія Христова зеркало часто посматривать, и отъ того, усматривая неправость его, исправлять. Правое же сердце есть, которое всѣмъ отдаетъ должное, Богу и Господу своему послушаніе, и честь и славу; ближнему же своему ищетъ и дѣлаетъ пользу, какъ себѣ. Да обращается убо всегда предъ душевными нашими глазами зеркало житія Христова, какъ Онъ обращался, живучи на земли, паче же всего смиреніе Его, и Онъ не попуститъ намъ гордиться.

Изъ писемъ Святителя Тихона Задонскаго.

ВНЕМЛИ СЕБѢ (ВТОР. 15, 9).

(Къ 6 Мая).

Внемли себѣ, то есть, осмотри себя со всѣхъ сторонъ; для охраненія себя содержи неусыпнымъ душевное око. *Посредѣ сѣтей минуеши* (Сир. 9, 18); врагомъ во многихъ мѣстахъ поставлены скрытыя тенета. Поэтому все осматривай, *да спасешися, аки серна отъ тенетъ, и яко птица отъ сѣти* (Притч. 6, 5).

Внемли себѣ, то есть, внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себѣ; ибо иное—мы сами; иное—принадлежащее намъ, а иное—что около насъ. Душа и умъ—это мы, поколику сотворены по образу Создавшаго; тѣло и приобрѣтаемая посредствомъ него ощущенія—это наше; около же насъ—имущества, искусства и прочія удобства жизни. Поэтому что значить слово сие?

Не плоти внемли, не за плотскими благами гонись

всѣми мѣрами, то есть, за здоровіемъ, красотою, наслажденіемъ удовольствіями и долготѣіемъ; уважай не деньги, не славу, не владычество; не то почитай великимъ, что служить для временной жизни, и въ попеченіи о семъ не будь нерадивъ о преимущественной своей жизни. Но *внемли себѣ*, то есть, душѣ своей. Ее украшай, о ней заботься, чтобы своею внимательностію предотвратить всякую нечистоту, сообщаемую ей порокомъ, очистить ее отъ всякаго грѣховнаго срама, украсить же ее всякою красотою добродѣтели. Испытай себя самого, кто ты; познай свою природу, познай, что тѣло твое смертно, а душа безсмертна; что жизнь наша двояка: одна, свойственная плоти, скороприходяща, а другая, сродная душѣ, не допускаетъ предѣла. Поэтому, *внемли себѣ*, не останавливайся на смертномъ, какъ на вѣчномъ, и не презирай вѣчнаго, какъ преходящаго. Не радѣй о плоти, потому что преходитъ; заботься о душѣ, существѣ безсмертномъ. Со всевозможнымъ тщаніемъ вникай въ себя самого, чтобы умѣть тому и другому дать полезное: плоти пропитаніе и покровы, а душѣ—догматы благочестія, благопристойное образованіе, упражненіе въ добродѣтели, исправленіе страстей, чтобы не утучнять тебѣ тѣла, не стараться о множествѣ плоти. Но поелику *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся* (Гал. 5, 17); то смотри, чтобы тебѣ прилѣпившись къ плоти, не уступить большаго владычества худшему. Какъ при взвѣшиваніи на вѣсахъ, если обременить одну чашку, то непременно сдѣлаешь легкою другую противоположную ей; такъ бываетъ съ тѣломъ и душою: избыточество въ одномъ дѣлаетъ необходимымъ оскудѣніе въ другомъ. Когда тѣло въ добромъ состояніи и обременено тучностію; тогда уму необходимо быть слабымъ и недостаточнымъ для свойственныхъ ему дѣйствованій. А когда душа благоустроена и размышленіемъ о благахъ возвышена до свойственнаго ей величія; тогда слѣдствіемъ сего бываетъ увяданіе тѣлесныхъ силъ.

(Василій Великій. Бесѣды).

РАДОСТЬ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА.

„**Н**ынѣ вся исполнишася свѣта: небо же, и земля, и преисподняя... Празднуетъ вся тварь“, нынѣ дни свѣтлыя, святые, дни радости и духовнаго ликованія. Злоба попрапа, добро побѣдило. Жизнь, какъ бы ее ни стѣсняли, какими бы крѣпкими узамы ни связывали, проявится, обнаружится. Козни враговъ, которые довели Христа до Голговы, до креста и смерти, потерпѣли крушеніе, Христось воскресъ изъ мертвыхъ! Изъ тмы могилы возсіялъ неизреченный свѣтъ, открылась жизнь, принесшая великую радость. *Иисуса назарянина ищете: нѣтъ здѣ, но воста*, говорили св. ангелы мироносицамъ, пришедшимъ ко гробу Спасителя. И радостная вѣсть о воскресенія летѣла изъ устъ въ уста апостоловъ и вѣрующихъ, и съ той поры въ продолженіе 19 вѣковъ полнота радости изливается въ сердца христіанъ и мы наслаждаемся ею въ настоящіе дни праздника Воскресенія Христова. Нельзя намъ не радоваться: Христось Своею смертію и воскресеніемъ въ насъ, *сущихъ мертвыхъ прегрѣшеніями*, вдохнулъ дыханіе жизни (Ефес. 2, 5). Пророкъ Іезекииль поставлень былъ посреди огромнаго поля, которое было полно сухихъ костей человѣческихъ. По слову пророка, внушенному Богомъ, кости стали соединяться въ одно мѣсто и скелеты покрываться плотью, облекаться кожею и принимать подобіе человѣческихъ тѣлъ. По слову того же пророка, внушенному Господомъ, въ нихъ вдуно дыханіе жизни и тѣла ожили. Это—люди мертвые духовно. Господь сказалъ о нихъ: Я дамъ имъ духа, и они живы будутъ. Воскресеніемъ Своимъ Господь и далъ духъ жизни намъ грѣшнымъ, влилъ струю жизни святой и новой. Воскресъ Христось, и все измѣнилось... Воскресъ Христось, и адъ стень вопіетъ. Воскресъ Христось, и спали съ человѣка узы грѣха. Легко, хорошо чувствуетъ себя птичка, выпущенная на просторъ лѣсовъ и полей изъ своей темницы-клѣтки; несравненно лучше чувствуетъ душа, освободившаяся изъ темницы страстей. Воскресъ Христось, и діаволь, врагъ спасенія, побѣжденъ, не имѣетъ уже власти надъ нами. Воскресъ Христось, и смерть попрапа; она уже не обладаетъ нами, нѣтъ болѣе вѣчной смерти. О какъ несчастна, безсмысленна была бы жизнь человѣка, если бы она совсѣмъ прекращалась здѣсь; какъ отчаянно надо бы рыдать, опуская въ могилу дорогихъ сердцу людей, если бы она скрывала ихъ навсегда! Но проникнутый вѣрой, христіанинъ не страшится смерти. Апостоль Павелъ говорилъ рѣшительно: *мнѣ еже жити Христось, и еже умрети—пріобрѣтеніе есть*.

Святитель Василий Великій, когда еретикъ-начальникъ побуждалъ его отречься отъ православнаго ученія, а въ противномъ случаѣ угрожалъ смертью, говорилъ: что мнѣ смерть? Она скорѣе соединитъ меня со Христомъ. *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть.* Будетъ время, когда всѣ мы воскреснемъ въ обновленномъ тѣлѣ, будемъ лицезрѣть Господа своего и наслаждаться благами жизни небесной, райской. Въ дни св. Пасхи чувствуется нѣкое предвкушеніе сихъ благъ, и особенно духъ нашъ несется къ чертогамъ небеснымъ, онъ окрыляется надеждою — войти въ обители Отчи, ибо грѣхъ побѣжденъ смертью поправа, Христосъ Воскресъ!

Ник. Сльдниковъ.

СИЛА БОЖІА И НЕЖИЩА ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XXIV.

Пришлось мнѣ опять потянуть свою откупную лямку: безъ моей поддержки родителямъ было бы очень плохо. Теперь служба моя меня перекинула изъ Области Войска Донскаго въ Уфу, а затѣмъ вскорѣ въ Уральскъ. Долго жилъ я въ Илецкой защитѣ, былъ дистанціоннымъ въ Гурьевѣ неподалеку отъ Каспійскаго моря при устьѣ рѣки Урлеа. Много поѣздилъ по Букеевской ордѣ и близко ознакомился съ бытомъ киргизовъ-кочевниковъ. Служба моя и тутъ была чрезвычайно удачна—жалованіе и доходы были большіе, и опять я все свое жалованіе до копейки высылалъ родителямъ. Временами, какъ непотухшій огонекъ, вспыхивала во мнѣ ревность къ монашеской жизни, но сыновнія обязанности и дѣйствительная необходимость жить и работать въ міру для обезпеченія существованія родителей смиряли тайную скорбь моей души, жаждавшей обрѣсти Бога въ монастырскомъ уединеніи, въ отрѣшеніи отъ міра, въ которомъ все—мірское противъ Бога.

Во время своихъ поѣздокъ въ Киргизскія степи я пробовалъ попутно между дѣломъ по своей службѣ заниматься монастырской дѣятельностью среди Киргизовъ, старался распространять

ученіе вѣры о Воплощеніи Сына Божія, но, видно, не было во мнѣ на то истиннаго призванія, и проповѣдь моя не имѣла желаннаго успѣха. И то сказать: мудроно было, служа по откупу, возвѣщать народамъ слово Божіе...

Замѣчательно уживалась въ сердцѣ Киргизовъ съ ихъ вѣрваніями, чуждыми хрістіанству, вѣра въ Святителя Николая. Язычники, простые сердцемъ, они умудряются съ вѣрой въ своихъ боговъ соединить вѣру въ силу чудесъ великаго Божьяго Угодника, который, въ ихъ мнѣніи, едва ли не выше ихъ боговъ и даже Самого Господа Иисуса, тоже имъ извѣстнаго по общенію съ хрістіанами. Я самъ видѣлъ, какъ эти дѣти ковыльныхъ степей въ нашихъ православныхъ храмахъ ставили Святителю восковыя свѣчки и говорили мнѣ:

— „О, это бачка сердитый! ему надо всегда давать, что обѣщаешь. Пропаль у тебя лошадь, пропаль кайдалъ ¹⁾,—обѣщаль свѣчку Миколай—живо бачка пригналъ кайдалъ. Ми ему всегда хорошій баранъ давалъ“.

Вѣруютъ они и Господу Иисусу, и Пречистой, но съ меньшей силой, чѣмъ Божьему Угоднику, признавая въ нихъ хорошихъ, добрыхъ людей. Въ этомъ отношеніи наши доморожденные ученые вольнодумцы не такъ далеко ушли въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ отъ полудикихъ кочевниковъ. И, подумаешь, сколько ума и усилій было потрачено ими, чтобы дойти въ жизни своего, по св. Крещенію хрістіанскаго, все-таки, духа, до киргизскихъ понятій! Стоило того! О, жалкіе въ своемъ безуміи мудрецы міра!..

— „Иисусъ Христа?“—говоритъ мнѣ одинъ киргизъ, когда я спрашивалъ его, знаетъ ли онъ Спасителя: „Иисусъ Христа? О, какъ не знать! Мой знаетъ: хорошій человекъ—много бѣднымъ помогаетъ: кого рука болитъ, рука давалъ; кого нога болитъ, нога давалъ. Все давалъ. Его Богъ любилъ—Онъ что Его ни просилъ, все Ему давалъ“.

— Откуда жъ ты Его знаешь?—допытывался я у киргиза.

— „Экой твой какой! Ты, бачка, только дѣлай добро, а то и твой будетъ знать Христа. Нашъ часто съ русскимъ говоритъ: ну, вотъ, твой говоритъ; мой говоритъ, а, вотъ, они слушаютъ. Такъ и узналъ... Пропаль, разъ, моя кайдалъ баранъ. Мой день ѣздилъ степь исайтъ, другой—нѣтъ мой кайдалъ. Плачетъ моя. Вотъ ѣдитъ мой верхомъ степь одна и думайтъ: пропаль мой кайдалъ—моя бога серчалъ, мина не слыхаль,—такъ я зову Христа. Да боялся мой, ну-ка моя бога узнаетъ. Ну, думаль мой, долго думаль; остановилъ лошадка, сталъ колѣнки и рѣзко

¹⁾ Стадо овецъ.

сказалъ: Иисусъ Христа! Найди мой кайдалъ баранъ, я тебѣ ширной мой дасть баранъ на жертва, самый ширной. Пожалуйста, найди—мой просить твой! И что-жъ, бачка!—не успѣлъ мой встать и сѣсть на лошадка,—глядить моя,—а мой старый баранъ вышла изъ камыша да и кричить: бя, бя! Смотрить моя: другой баранъ, третій... и весь кайдалъ изъ камышъ идетъ... Ну, мой радъ; спасибо Тебѣ Христа, Ты не такъ, какъ наша бога: скоро слыхаль моя просьба. Ну, вотъ мой пріѣхаль въ кибитка, сказала всѣмъ, что нашель кайдалъ; и послѣ все я и мой, и жены мой, и дѣти мой самый ширный баранъ далъ Христа на жертва... Только бы нашъ попа не зналъ, а то мой—бѣда!

— „Ну, такъ бы ты всегда звалъ себѣ Христа на помощь“, сказалъ я киргизу.

— „Это мой знайтъ, только нельзя: бога моя осерчайтъ. Тихонько можно, но и то, чтобы попа нашъ не зналъ. Да, вѣдь, бачка, бога у всѣхъ одна—вѣра только разный“... Такъ заключилъ нашу бесѣду мой киргизъ.

„Бога у всѣхъ одна, только вѣра разная!“—такъ говорятъ и доказываютъ теперь люди вѣка сего, отступники хрістіанства, предатели Православія. Но что простительно непросвѣщенному язычнику, не будетъ прощено отступившимъ отъ Христовой истины, и услышатъ они грозныя слова: „се оставляется домъ вашъ пустъ!“..... Господи помилуй!.....

XXV.

Проповѣдуя Господа Воплотившагося словомъ, часто обращаясь сердцемъ къ мысли о монашествѣ, я тѣмъ не менѣе не могъ соблюсти въ себѣ должной чистоты и часто падать, и были паденія мои и велики, и часты. Въ скорби сердечной я писалъ въ минуты раскаянія старцу моему Макарію въ Оптину, каялся, казнилъ себя и вновь неудержимо падалъ.

И тогда опять писалъ, недоумѣвая, что мнѣ дѣлать: сердце ждетъ иноческой жизни,—старцы мнѣ ее въ удѣлъ опредѣляли,—а плоть бѣснуется, и я не могу воздержаться отъ паденій. Ужъ не лучше ли для меня супружескій союзъ, чѣмъ бесплодное покаяніе и все продолжающаяся жизнь грѣха?

Отъ старца отвѣтомъ письма были въ одномъ духѣ: „Это все отъ твоего нерадѣнія, но повинуйся Промыслу Божію съ благодареніемъ, старайся, по силѣ возможности, исполнять заповѣди Божіи въ степени твоего служенія... Увѣряю тебя, что ты будешь монахомъ. Но о времени не могу сказать — это въ непостижимой судьбѣ Божіей и твоемъ нерадѣніи“...

Слова: „твое нерадѣніе“ оскорбляли сердце мое и я, чтобы

увѣрить старца въ неутолимой моей жадѣ иночества, взявъ, разрѣзалъ руку и кровію своей написалъ ему, что ею я подтверждаю свое стремленіе служить Богу. Въ отвѣтъ отъ старца я получилъ слѣдующее письмо:

„Почтенный о Господѣ Феодоръ Аванасьевичъ! Отъ 10-го Іюля посланное тобой письмо мною получено, изъ коего вижу, что милосердый Господь сохраняетъ тебя на житейскомъ волнуемомъ морѣ и доселѣ непогруженнымъ въ волнахъ онаго, хотя и были, какъ видно, сильныя прираженія волнъ черезъ твои слабости, но милосердіе Божіе и долготерпѣніе Его, видно, устроятъ наилучшее для тебя. Вотъ даже и предстоящую твою судьбу не допустилъ придти къ совершенію, но уничтожилъ замыслы міра, хотящаго привязать тебя къ себѣ крѣпкими узами ¹⁾. Принеси же за это немолчное благодареніе милосердому Господу, столько пекущемуся о твоёмъ спасеніи. Имѣй твердое намѣреніе исполнить свой обѣтъ и, пока еще плывешь по бурному океану міра, имѣй страхъ Божій твоимъ кормчимъ, а покаяніе—гребцами, кои управятъ тебя къ благоотишному пристанищу. Покаяніе, говорю, не тогда только, когда придешь къ духовнику на исповѣдь, но имѣй всегдшній залогъ онаго въ сердцѣ своемъ, памятуя грѣхи свои, о которыхъ ты кратко вспомнулъ, чувствуя, кого ты оными оскорбилъ, удобнѣе возстagnешься отъ повторенія оныхъ. Ты въ недоумѣніи вопрошаешь, почему Господь не пошлетъ тебѣ скорога избавленія отъ міра? и самъ отъ моего имени отвѣчаешь: за гордость; а тутъ себя оправдываешь: „Боже мой! передъ Тобой ли мнѣ гордиться?“ и проч. Я не могу тебѣ сказать, почему Господь не допускаетъ исполниться твоему желанію. Судебъ Господнихъ бездна многа, и намъ оныя непостижимы; но что въ тебѣ есть гордость, какъ и всѣ мы ей не чужды, только въ разныхъ степеняхъ, доказываютъ твои паденія. Святой Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ: „идѣже послѣдовало паденіе, тамо предварила гордость“, хотя мы и думаемъ, что нѣтъ въ насъ гордости, но плоды доказываютъ, что есть.

„Не можемъ также сказать о себѣ, что имѣемъ смиреніе, потому что дѣла противныя оному творимъ; а гдѣ нѣтъ смиренія, тамъ явно, что его мѣсто заступаетъ гордость, такъ какъ гдѣ нѣтъ свѣта, тамъ—тьма. Итакъ, вмѣсто оправданія надобно имѣть сознаніе.

„Дерзость твоя—въ исаніи кровію о служеніи Богу и братіи совѣмъ излишня: довольно имѣть благое произволеніе и пролитіе духовной крови при искушеніяхъ и бореніяхъ со страстями на опытѣ, ибо воиново мужество и храбрость также и усердіе

¹⁾ Мою женитьбу.

къ Царю показуются во время явственнаго сраженія съ непріятелями. По сему разумѣй и о духовномъ бореніи. Только тутъ надобно имѣть оружіемъ смиреніе, которое всѣ силы и сѣти вражіи сокрушаетъ, а не дерзость. Остаюсь желатель твоего здравія и спасенія многогрѣшный І. М. 28 Іюля 1851 года“....

Потомъ, спустя немного времени, я получилъ отъ о. Макарія его карточку и при ней совѣтъ моей матери, чтобы она оставила всѣ излишнія попеченія и заботы о дѣлахъ хозяйственныхъ и ходила бы, по возможности, постоянно въ церковь. Преподавъ мнѣ этотъ совѣтъ для матери, старецъ потребовалъ, чтобы я ей о томъ написалъ отъ его имени.

Волю старца я немедленно исполнилъ, а сердце тревожно забилось о родимой.

XXVI.

Когда родительница получила мое письмо, въ которомъ я написалъ ей о совѣтѣ о. Макарія, то немедленно попросила родителя моего написать мнѣ въ Уральскъ, чтобы я оставилъ службу и поспѣшилъ вернуться домой въ Балашовъ. Сама же матушка вслѣдъ за полученіемъ моего письма совершенно измѣнила свой образъ жизни: перестала суетиться и хлопотать по домашнему хозяйству и вся обратилась къ Богу, земное оставляя и къ горнему устремляясь. Храмъ Божій сталъ для нея мѣстомъ, которое сосредоточило на себѣ всѣ ея помышленія, и она начала ходить ко всѣмъ службамъ, не пропуская въ особенности, ни одного дня, чтобы не быть у Божественной Литургіи. Матушка была совершенно здорова и, когда я пріѣхалъ по вызову родительскому въ Балашовъ, я засталъ ее на видъ такой же здоровой, какой ее оставилъ, отправляясь на службу. Она даже была весела и страшно рада меня видѣть. Если бы не письмо о. Макарія, которое невольно наводило на размышленіе, нельзя было и подумать, глядя на родительницу мою, что ангелъ смерти уже спѣшитъ взять ее душу и представить Творцу всяческихъ.

Двадцать одинъ день я провелъ въ кругу семейныхъ, и ни одного раза матушка ни однимъ словомъ не обмолвилась, что она готовится къ переходу въ вѣчную жизнь; только непрерывное, ежедневное хожденіе въ церковь давало разумѣть, что совѣтъ старца былъ для ея сердца предвареніемъ приближившейся для нея вѣчности.

Дни проходили за днями, и сердце мое, встревоженное, было, по моемъ возвращеніи домой, стало понемногу успокаиваться. Вся семья была собрана въ кругу: отецъ, мать, старшая сестра—вдова Екатерина, я, и малолѣтки—братъ Иванъ и сестренка Поля. Жизнь протекала мирно, по семейному. И внутри меня и внѣ,

въ семейномъ быту, наступило какое-то затишье, ненарушаемое заботами завтрашняго дня. Не было даже рѣчей о томъ, что предпринять мнѣ, главному кормильцу семьи, источнику ея благосостоянія. Слово старца Макарія исполнялось свято—житейское попеченіе было оставлено.

Шелъ двадцать первый день со дня моего возвращенія изъ Уральска. Матушкѣ вдругъ захотѣлось къ обѣду дичинки.

— „Поди, Ѳединька, настрѣляй мнѣ дичинки какой-нибудь, а я изъ нея къ обѣду приготовлю жареное“,—сказала мнѣ родительница. Желаніе ея было исполнено, и изъ настрѣлянной дичи матушка сама изготовила обѣдъ. Съ замѣтнымъ удовольствіемъ покушала и все вспоминала за столомъ библейскую исторію объ Исаакѣ и Іаковѣ...

— „Вотъ“, говорила она обращаясь ко мнѣ: „я—точно Исаакъ, а ты—Іаковъ; я ѣмъ тобою на охотѣ изловленное, и ты ждешь моего благословенія на первородство“.

Матушка говорила какъ-бы въ шутку, а дѣло-то вышло, на самомъ дѣлѣ, въ серьезъ: на другой, или на третій день послѣ этого обѣда родительница моя захворала и тутъ же пожелала поисповѣдоваться, особороваться и причаститься; но, такъ какъ она, хотя и чувствовала себя больной и слабой, но могла еще черезъ силу держаться на ногахъ, то и ни за что не позволила, чтобы Св. Дары были принесены къ намъ на домъ.

— „Хочу въ церкви сама подойти къ Господу“—сказала матушка, и мы съ ней поѣхали вмѣстѣ на дрожкахъ въ церковь къ Литургіи. Обѣдню она едва достояла, но къ св. Чашѣ приступила съ большой твердостью и силой и сама твердымъ и яснымъ голосомъ произносила священныя слова исповѣданія Христа Господа: „вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси во истину Христось Сынъ Бога Живаго“... Но когда причастилась, то совсѣмъ изнемогла, и я ее въ полуобморочномъ состояніи вывелъ на паперть. Немного оправившись, она попросила меня отворить входную дверь въ церковь и такъ на паперти дослушала окончаніе Божественной службы. По окончаніи благодарственныхъ молитвъ, я ее привезъ домой; и тутъ она слегла въ постель и уже болѣе не вставала.

Прошло нѣсколько дней съ того времени, какъ матушка слегла окончательно, подкошенная своимъ предсмертнымъ недугомъ; она слабѣла не по днямъ, а по часамъ и, наконецъ, велѣла намъ всѣмъ собраться у своей постели и выразила желаніе благословить всѣхъ насъ. Когда ей подали икону Божіей Матери, она привстала на кровати, но силы не выдержали, и матушка вся въ слезахъ упала на подушки безъ памяти. Съ ней сдѣлалось что-то въ родѣ конвульсій и, хотя она вскорѣ оправилась, но объ-

явила, что благословлять насъ не будетъ, а поручаетъ насъ покровительству Препоблагословенной.

— „Я прошу Владычицу, чтобы Она не оставила васъ“,— сказала она и стала молиться Ей съ горячими слезами, неоднократно повторяя:

— „Тебѣ вѣрю ихъ, Матерь Божія! Ты имъ будь покровъ и заступленіе!“...

Помолившись съ пламенной вѣрой, матушка подозвала къ себѣ насъ всѣхъ и стала говорить:

— „ Я умираю. Смотрите, имѣйте любовь между собою и, если любите меня, оказывайте отцу своему всякое почитаніе. Никогда не поминайте, если когда-нибудь замѣтили, что онъ оскорбилъ меня какимъ-либо словомъ—это дѣло не ваше. Помните одно, что онъ всю свою жизнь провелъ въ трудахъ и работѣ о вашемъ спокойствіи и воспитаніи. Успокойте его вашей покорностью и любовью, утѣшите его старость вашей заботой о немъ и дѣтской преданностью. Исполняйте заповѣди Божіи каждый въ своемъ званіи. Будьте милостивы и сострадательны къ нищимъ; прощайте обиды оскорбляющимъ васъ и чтобы гнѣвъ вашъ угасалъ прежде заката солнца того дня, въ который онъ возгорѣлся. Держите вѣру святую святой Церкви Православной, храните преданія и завѣты святыхъ отцовъ. Не примыкайте къ вольнодумцамъ... А ты!“—обратилась она ко мнѣ, взявъ меня за руку и соединивъ ее съ руками сестры Екатерины и 4-хъ лѣтней Поленьки, и указывая на брата Ивана стоявшаго у ея колѣнъ, и на отца, который стоялъ у ногъ кровати: „а ты“, повторяла она: „не оставь вотъ этихъ. Я тебѣ ихъ вѣрю. Будь имъ вмѣсто отца. А вы слушайте брата, и Богъ не оставитъ васъ. Молитесь чаще и усерднѣ Божіей Матери—Ей я васъ всѣхъ вѣрю. А ты, Одея! не оставляй ихъ и прежде времени не уходи въ монастырь: если Богу угодно, еще успѣешь. Исполнишь мой завѣтъ, и да пребудетъ тогда надъ тобой Божіе благословеніе и мое“...

Мы внимали словамъ угасающей матери и горько плакали, но ни одно ея слово не осталось незапечатлѣннымъ въ моемъ сердцѣ—каждое слово ея точно высѣкалось на его скрижаляхъ стальнымъ рѣзцомъ пламенной материнской любви и вѣры.

Еще нѣсколько дней угасала родимая. Мы проводили цѣлыя ночи безъ сна у дорогаго изголовья и не отходили отъ одра матери почти ни на минуту. Особенно ухаживала за ней сестра Екатерина. Но какъ ни бодрствовали мы, но не могли уловить послѣдняго ея вздоха: когда она отошла ко Господу, мы всѣ спали, утомленные бессонными ночами и пропустили время ея предсмертной агоніи. Насъ раннимъ утромъ разбудила дальняя по сватовству наша родственница, Марія Ильинична П., дѣвица

лѣтъ 40, дочь очень богатыхъ родителей. Необыкновенной душевной чистоты и жизни была эта истинная раба Божія. Приятная лицомъ, очень богатая, она волею не пожелала выйти замужъ, а дѣвичество свое вмѣстѣ съ тремя другими дѣвицами того же, какъ и она, духа посвятила Господу. Она свои деньги и тѣ, что ей давали добрые, благочестивые люди опредѣлила на устроение въ г. Балашовѣ женской обители, которой въ Балашовѣ еще не было. Со временемъ ея желаніе исполнилось, и теперь въ Балашовѣ есть женскій монастырь... Такъ вотъ эта-то дѣвица и пришла къ намъ на ранней утренней зорькѣ, разбудила сестру и сказала:

— „Встань ка, Катенька, и пойдемъ посмотрѣть мамашу. Что она“?

— „Спитъ“,—быль отвѣтъ полусонной сестры.

— „Все равно, пойдемъ—я ее хочу видѣть“.

И когда онѣ взошли, то нашли матушку уже скончавшейся. А ранній неожиданный приходъ Марьи Ильиничны объяснился такъ,—она это тутъ же намъ рассказала:

— „Я спала крѣпко“, говорила она намъ: „вдругъ, на зарѣ слышу—кто то меня кличетъ по имени. Я не просыпаюсь. Меня тогда кто-то толкнулъ въ бокъ со словами: встаньте, пожалуйста, и идите къ намъ въ домъ: я, вѣдь, умерла, а они меня не видали. Идите, утѣшите ихъ, чтобы они не плакали... И когда я тутъ же проснулась, то увидѣла вашу мать уже выходящей изъ моей спальни. Удивившись этому, я сейчасъ же встала и пошла къ вамъ въ домъ и вотъ нашла все такъ, какъ она мнѣ повѣдала въ видѣніи. Теперь именемъ вашей матери и ея словами, только что мною слышанными, я прошу васъ не плакать, а молиться о ней Богу. Вѣдь, мы всѣ рождаемся для того, чтобы умереть, и умираемъ, чтобы воскреснуть для вѣчной жизни“.

Великую радость влили въ нашу скорбь эти рѣчи. О, родная наша! ты и съ того свѣта, по неизрѣченной милости Божіей, озарила мракъ нашей земной скорби свѣтомъ Богооткровенной истины, безпредѣльной Божественной любви — и милосердія! Вѣчная тебѣ память, родимая!...

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕ ВОСХИЩАЙ НЕДАРОВАННАГО.

(Изъ быта глаголемыхъ старообрядцевъ).

В жарко натопленной избѣ на широкой некрашеной лавкѣ лежалъ больной крестьянинъ. Слабыя руки его лежали на груди. Глаза были устремлены въ передній уголъ, гдѣ находился

рядъ иконъ съ потемнѣвшими ликами и мѣдныхъ складней, обычно встрѣчающихся въ старообрядческихъ домахъ. Большой тяжело дышалъ. Онъ чувствовалъ, что не встать ему, не поправиться отъ болѣзни. О томъ, какъ останутся безъ него жена, дѣти, онъ не думалъ. Единственно, что занимало теперь больного—это грядущій судъ Господень за грѣхи и неправды его. Онъ останавливалъ долгій взглядъ на большомъ мѣдномъ Распятіи, вѣзанномъ въ доску, предъ которымъ онъ всегда любилъ молиться. „Господи, прости мои согрѣшенія“, шептали его уста. И вся прошлая жизнь, всѣ пороки и беззаконія ясно предстали предъ сознаниемъ больного. Все вспомнилось и тяжелымъ бременемъ пало на его скорбящую душу. „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго,“ твердилъ онъ съ глубокою вѣрою молитву Іисусову.

— Исправиться надо, за отцомъ духовнымъ, за батюшкой съѣздить, слабымъ голосомъ сказалъ онъ своей женѣ, хлопотавшей около печи.

— Что ты сказалъ, опомнись, грубо вскричала на эти слова жена, въ глазахъ которой появился злой огонекъ.—Душу свою хочешь что ли погубить? Ни за что не пушу въ домъ еретика—попа! Что ты выдумалъ? какъ бы въ изступленіи говорила фанатичная раскольница.

Приливъ жгучей скорби стѣснилъ грудь больного. Напрасны оказались всѣ его убѣжденія, вразумленія, чтенія книгъ съ цѣлью отвлечь жену отъ пагубнаго раскола, или по крайней мѣрѣ ослабить ея нетерпимость къ св. Церкви.

— Нѣтъ, жена, у священника, отца духовнаго, я ранѣе въ посты исповѣдался и теперь у него исправляться буду. Умру я., произнесъ больной слабымъ голосомъ, но рѣшительнымъ тономъ. Изба огласилась жениными рыданьями; сидѣвшая на палатяхъ небольшая дѣвочка заплакала, услыхавъ вопли матери.

Прошло нѣсколько часовъ. Въ избу одинъ за другимъ входили родственники и сосѣди больного. Это собирались раскольники, созванные женой для увѣщанія заблудившагося, по ея мнѣнію, и погибающаго на вѣки мужа. Каждый изъ приходившихъ высказывалъ свое сожалѣніе по поводу случившейся болѣзни крестьянина. Въ числѣ посѣтителей былъ старообрядческой наставникъ изъ сосѣдней деревни, горячо ратующій за „вѣру“, племянникъ больного Андрея, Ѳедотъ.

— Не ладно ты задумалъ, дядя, выпалилъ сразу Ѳедотъ, стоя у изголовья Андрея. Попа хочешь звать для исправы. Опомнись. Тебѣ „примириться“ надо. Съ родителями умереть въ одной вѣрѣ. Отецъ-то твой старичекъ хорошій былъ, царство ему небесное.

— Добрый былъ у меня отецъ, любилъ я его, отвѣчалъ на эти

слова больной, да темный, грамоты не зналъ; что говорили ему старовѣры, то и принималъ.

Окружающіе съ неудовольствіемъ слушали рѣчь Андрея.

— Родителей моихъ поминули, продолжалъ больной. Я чтить ихъ, покоилъ старость, они умерли не по Церкви. Жаль было темныхъ стариковъ, ваша братія тогда поговаривала, поусердствовала. Послѣдовать вѣрѣ ихъ я не могу. *Аще кто любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ*, сказалъ Христосъ; а родители умерли не „въ правовѣрїи“, исповѣдались у старика, причастья Христовыхъ Даровъ предъ смертью не вкушали. А Господь заповѣдь далъ: всѣмъ причащаться.

— Какое нынѣ причастье, закричали Ѳедотъ и другіе. Теперь жертва еретическая, на престолѣ мерзость запускнїя, реченная Данииломъ пророкомъ. Причастье у еретиковъ—не причастье, а пища демонская.

Тутъ всѣ стоявшіе у изголовья больного люди подняли шумъ, стараясь наговорить возможно больше хуленій на православную Церковь. Больной долго молчалъ. Онъ не разъ уже слыхалъ эти нападки на православіе, слыхалъ насмѣшки надъ собою, когда отправлялся въ церковь православную къ службѣ, или на исповѣдь, но не обращалъ на нихъ вниманїя. Онъ много читалъ древнихъ книгъ, старался вслушиваться въ разсужденїя православнаго священника съ раскольническими начетчиками и вполнѣ убѣдился, что правда хранится въ Церкви, а не у старовѣровъ.

— Нѣтъ, ужъ вы меня простите, родные, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанїя, когда присутствующіе начали успокоиваться; я ужъ въ Церковь ходилъ, „по Церкви“ и умру. Грѣхи разрѣшить, причастить, похоронить никому, кромѣ священника, въ книгахъ не показано.

Дальнѣйшія увѣщанїя раскольниковъ не имѣли успѣха. Поставивъ больного муками ада, если онъ не одумается и не обратится къ вѣрѣ, раскольники съ недовольнымъ видомъ оставили избу Андрея. На утро былъ приглашенъ священникъ, предъ которымъ больной исповѣдалъ грѣхи свои и съ великимъ умиленїемъ причастился Св. Христовыхъ Таинъ. Прощаясь со священникомъ, онъ просилъ отпѣть его въ церкви и при батюшкѣ завѣщалъ женѣ своей заказать заупокойныя по немъ обѣдни въ положенные Церковїю дни.

Скоро Андрея не стало. Всѣ ододеревенцы, а также не мало знакомыхъ изъ другихъ деревень приходили проститься съ покойнымъ, они уважали его за спокойный нравъ, благоразуміе и честность. Одинъ крестьянинъ особенно трогательно простался съ умершимъ Андреемъ, потомучто послѣднимъ онъ еще не такъ давно былъ вразумленъ, когда подъ вліяніемъ уговоровъ расколь-

никовъ-странниковъ хотѣлъ согласиться на прекрещиваніе въ какомъ-то тайномъ мѣстѣ. Тогда Андрей послалъ ему старопечатную книгу „Большой Катихизисъ“, съ закладками наиболѣе выдающихся мѣстъ противъ раскола. Чтеніе старинной книги произвело сильное впечатлѣніе на душу уже находившагося на краю гибели крестьянина, и онъ теперь отъ глубины сердца благодарилъ своего духовнаго благодѣтеля.

Хоронили Андрея на приходскомъ кладбищѣ послѣ обѣдни; родственники раскольники стояли во время службы назади храма, но не молились, боясь подпасть подъ осужденіе за молитву съ мнимыми еретиками—никоніанами.

Незадолго до „сорочинъ“ случился день тезоименитства Андрея—30 ноября. Фанатично настроенный противъ Церкви племянникъ Андрея Ѳедотъ уговорилъ жену покойнаго не исполнять его завѣта относительно служенія заупокойныхъ литургій. Онъ надумалъ помянуть дядю по своему. Съ утра въ маленькой комнаткѣ Андреева дома совершались поминки по умершемъ хозяинѣ. Настоятельстввалъ и вообще правилъ всѣмъ дѣломъ Ѳедотъ. Въ комнатѣ молились жена Андрея, нѣсколько старушекъ и старичковъ. Ѳедотъ читалъ, кадилъ и пѣлъ своимъ рѣзкимъ неприятнымъ голосомъ. По деревнѣ быстро разлетѣлась молва, что Ѳедотъ правитъ панихиду совсѣмъ, какъ въ моленной. Явились любознательные православные крестьяне, которые удивленно переглядывались, слушая службу своего ододеревенца, не имѣвшаго никакого званія въ мѣстной безпоповщинской моленной.

— До чего додумался у насъ Ѳедотъ, говорили они, выйдя изъ дома вдовы и остановившись на улицѣ.

— Сколько головъ, столько и умовъ у нихъ—старовѣровъ, замѣтилъ благообразный сѣдой старикъ. Много лѣтъ жилъ я на свѣтѣ, а этого еще не видѣлъ: „по церкви“ похоронили Андрея, а они его по своему поминаютъ. Кто что надумалъ, то и творить.

— Совсѣмъ заблудились, бѣдные, съ жалостью въ голосѣ говорилъ молодой крестьянинъ. Какъ не страшитъ ихъ грозное слово св. отецъ? Читали вѣдь они Кормчую, у Ѳедота своя собственная есть. Гангрскій соборъ такъ сказалъ, что если кто собирается отдѣльно отъ Церкви и церковное творить, а съ нимъ священника не будетъ, по волѣ епископа, да будетъ тотъ проклятъ; а въ другомъ мѣстѣ говорится, что восхищающіе недарованная имъ раздражаютъ Бога, какъ сыновья Кореевы и Озія царь, который сталъ кадить предъ жертвенникомъ по обычаю священниковъ и былъ пораженъ проказой. Качая головами, со сѣди расходились по своимъ домамъ.

У вдовы между тѣмъ происходили поминки—предложены были всякія яства, послѣ которыхъ старики и старухи получили по

пятаку денегъ, чтобы и дома продолжали молиться за покойника.

Изрядно закусивъ, главный виновникъ поминокъ Ѳедоть зашелъ домой, взялъ топоръ и, сказавъ женѣ, что онъ до утра не воротится, отправился на принадлежавшую ему мельницу, гдѣ предстояло ему не мало дѣла.

Воздухъ былъ холодный, рѣзкій сѣверный вѣтеръ щипалъ лицо мельника. Нахлобучивъ шапку, онъ сгѣшно шагаль по направленію къ мельницѣ. Здѣсь прилежный хозяинъ тотчасъ же принялся за дѣло. Ему нужно было поставить тяжелый жерновъ на стойку. Вдругъ въ глазахъ Ѳедота помутилось. Жерновъ летѣлъ на него. Ѳедоть упалъ навзничъ; камень сдавилъ ногу, ступня одной ноги была раздроблена. Придя въ себя, несчастный попытался высвободить ногу изъ подъ камня, и большихъ трудовъ и терпѣнія стоило ему достигнуть этого. Ползкомъ по снѣгу, еле живой добрался Ѳедоть до своей избы. Хорошо еще, что близъ него случился желѣзный ломъ, а то бы не высвободить бы ему своей ноги изъ-подъ тяжелаго жернова и пришлось бы провести тутъ всю ночь до утра, пока не хватились бы о немъ домашніе, и замерзнуть бы могъ.

— Богъ наказаль, говорили между собою православные крестьяне, не берись за священническое дѣло, не искушай Бога. Грамотный Ѳедоть человекъ, книги читаетъ, а противъ писанія поступаетъ. Ну, другіе люди темные, съ тѣхъ и спросится немного, а онъ... Богъ несчастьемъ вразумляетъ...

Неужели закроетъ онъ и его единомысленники свои очи предъ столь яснымъ указаніемъ Божиимъ, неужели не оставятъ они своего заблужденія и не вступятъ на спасительный путь?

Ник. Сльдниковъ.

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно получить:

ЗЕРНЫШКИ БОЖІЕЙ НИВЫ

Троицкое чтеніе для дѣтей.

Цѣна каждаго номера 5 коп. съ пересылкой 7 коп.

Къ 1-му Апрѣлю 1907 года вышло 52 номера

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ВСѢ НОМЕРА ЗЕРНЫШЕКЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ. ЗЕРНЫШКИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ОТДѢЛЬНЫМИ ТОМИКАМИ, для праздничныхъ дѣтскихъ подарковъ по 12 кн. въ колѣнк. пер. Цѣна каждаго тома въ переплетъ 80 коп. съ пересылкой 1 руб.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редак. „Троицкихъ Листковъ“.